

Гнаповская, Л. Социолингвистический аспект функционирования имени собственного (на материале английской антропонимии) [Текст] / Л. Гнаповська // Studia methodologica. - Тернопіль, 1998. - Вип. 4. - С. 70-75.

Людмила ГНАПОВСКАЯ

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ АНТРОПОНИМИИ)

Определение имени собственного (далее — ИС) как «языковой категории, основывающейся на таких естественно-языковых процессах номинации, концептуализации и семантического отражения действительности, которые существенным образом отличны от зачастую представляющихся аналогичными процессов, протекающих в сфере имен других типов» (Руденко, 1988: 55) порождает довольно многочисленные лингвистические импликации. В частности, рассматривая ИС через понятие коммуникативного намерения — интенции — говорящего с позиций прагматической парадигмы изучения языка и принимая во внимание «контекстуальную направленность прагматических исследований» (Почепцов, 1989: 1-2), «все более четкое понимание необходимости систематического учета контекстуальных, в т.ч. экстралингвистических, факторов использования языка» (Петров, 1988: 4), мы неизбежно приходим к необходимости исследования контекста возникновения и функционирования ИС. Анализ антропонимической системы англичан, проведенный нами на материале современных английских личных имен германского происхождения, позволяет определить контекст ИС как «широкий», «исторический», «социокультурный» (в отличие от «узкого», чисто лингвистического контекста большинства других языковых единиц). В свою очередь, исследование собственных (личных) имен с помощью понятия «широкого контекста» дает возможность сблизить логико-лингвистический и социолингвистический подходы к анализу данной языковой категории, т.е. рассмотреть вопрос о социальной природе собственного (личного) имени.

Рассмотрение социальной природы ИС предполагает анализ социолингвистического аспекта данной языковой категории. При этом следует отметить, что социолингвистика имеет дело с явлениями двойственной природы — собственно социальной и лингвистической. По сути дела, лингвистическое — то же социальное, но с учетом специфики языка, с конкретизацией объекта исследования.

Социальное — это обобщенное выражение совокупности социальных факторов нелингвистической природы — таких, как этнические процессы, социальная история, экономика, этнокультурные особенности, контакты и взаимовлияние языков и их носителей, действие нормы и стандартизации и т.п.

Словом, это совокупность всего нелингвистического социального, с которым взаимодействует собственно лингвистическая сторона социолингвистического явления (Дешериев, 1977: 304).

Ономастикон — такая часть лексики любого языка, которая чрезвычайно тесно связана с потребностями общества и целиком обусловлена социально-историческими, социально-экономическими и социокультурными факторами. Эта особенность собственных имен связана с их функцией, которую в наиболее общем виде можно определить как «общественно обусловленную идентификацию» (Бланар, 1980: 14), причем своеобразие ономастических потребностей заключается в том, что с помощью языковых средств осуществляется различение объектов (живых и неживых)

вых) реального мира важными в жизни ответственными обладателями животные, уникальные пространства, лексика, идентифицирующие национальные культуры собой промежуточные факторы вступают

Это дает возможность образных культурных частности антропонимии и функционирования общения и меняют наиболее при рода, его моральные апеллятивных историческом аспекте трируют энергию быта и духа народную на их основе эти

С другой стороны лении их как грамматической реализации в них е ситуации поведения поведения других я том, что «перед на рый другой, иначе

Следовательно основе апеллятивных номерностями. С учении природы имени сти онимического возможностей данной системе языка, под способов и модели му народу» (Худаш ется как специфиче (далее — ИЛ) как человека в обществе как языковой кате шествования и фун тем, что сам денот противоречивым п биологическое и с ническое определе вования, сотрудни взаимозависимости

1 Ср.: «Человек ест духовного, природ (БСЭ, т.29: 51).

вых) реального мира в таких классах предметов и явлений, которые представляются важными в жизни общества. Ведь не подлежит сомнению тот факт, что именами собственными обладают сравнительно немногие категории реалит — лица, домашние животные, уникальные объекты макромира — такие как небесные тела, географические пространства, административные единицы. Иными словами, ономастическая лексика, идентифицируя с помощью языковых единиц пространства, соответствующие национальному, государственному и социальному членению мира, представляют собой промежуточную сферу, в которой лингвистические и экстралингвистические факторы вступают в наиболее тесные контакты.

Это дает возможность собственным именам функционировать в качестве своеобразных культурно-исторических и языковых индексов. С одной стороны, ИС (в частности антропонимы) — это социально-исторические образования, которые возникли и функционируют в конкретных условиях как необходимый элемент человеческого общения и мышления. Как «зеркало культуры» (Топорова, 1996: 5), они отражают наиболее приоритетные понятия, этические представления того или иного народа, его моральные идеалы, мир его духовных ценностей, поскольку в семантике их апеллятивных основ заключена определенная информация о культурно-историческом аспекте конкретной общественной формации. Имена как бы концентрируют энергию общественной среды, представляют собой историю «внутреннего быта и духа народного» (Синенко, 1995: 16). Это дает возможность реконструировать на их основе этнографические и культурно-исторические реалии.

С другой стороны, связь ИС с системой данного языка проявляется в оформлении их как грамматических и словообразовательных категорий данного языка, реализации в них его лексем. Однако, по мнению Ю.М. Лотмана, в ряде языковых ситуаций поведение собственных имен настолько отлично от соответствующего поведения других языковых категорий, что это невольно наталкивает на мысль о том, что «перед нами инкорпорированный в толщу естественного языка некоторый другой, иначе устроенный язык» (Лотман, 1973: 287).

Следовательно, будучи «генетически нарицательными» и конституируясь на основе апеллятивов, ИС образуют самостоятельную сферу с присущими ей закономерностями. С учетом этого основным методологическим принципом при изучении природы имени собственного должен быть анализ двухуровневой зависимости онимического знака: от характера денотатов, с одной стороны, и системных возможностей данного языка — с другой. Поэтому, говоря об антропонимической системе языка, под которой понимаем «внутренне организованную совокупность способов и моделей языковой идентификации личности, присущих тому или иному народу» (Худаш, 1977: 76), следует прежде всего отметить, что она воспринимается как специфическая, автономная отрасль ономастики, поскольку личное имя (далее — ИЛ) как языковой элемент, нацеленный на индивидуальное именование человека в обществе, в полной мере владея всеми особенностями и свойствами ИС как языковой категории вообще, по-своему отражает общие закономерности существования и функционирования ономастической системы в целом. Это связано с тем, что сам денотат личного имени — человек — является существом сложным и противоречивым по своей природе, существом, в котором тесно переплетаются биологическое и социальное, индивидуальное, личностное и общественное, ограниченное определенными рамками и канонами норм и правил общения, сосуществования, сотрудничества¹. В связи с этим закономерно встает вопрос: какова взаимозависимость двух базисных концептов культуры: «человек» и «личность» в

¹ Ср.: «Человек есть живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и социального, наследственного и прижизненно приобретенного (БСЭ, т.29: 51).

семантической структуре ИЛ? Какой из них является денотатом последнего? Сделаем попытку найти ответ на поставленный вопрос.

Как ключевой концепт всякой культуры, концепт «человек» неразрывно связан с концептом «личность». Слово «личность» определяется, как правило, через слово «человек» и соотносится с ним как видовое имя с родовым: личность — это человек как носитель каких-либо качеств и человек как член общества².

Человек и личность противопоставляются как статическое и динамическое, как данное и сотворенное: человек — это то, что есть по рождению, «факт»: человеком можно быть или не быть, но невозможно стать. Быть личностью — обладать приобретаемым свойством, т.е., свойством, поддающимся градации³: личностью можно не быть, но постепенно становиться. Личность — это «артефакт» (Розина, 1991: 55), т.е., по определению Г.У. Аллпорта, «динамическая организация внутри индивида тех психофизических систем, которые определяют его неповторимые приспособления к своему окружению» (Allport, 1960: 48).

Таким образом, в человеке сочетаются физическое, духовное и социальное, в то время как личность представляет собой совокупность духовных и социальных качеств человека, ее «Я» как «максизнак», в «конструировании текста которого, обращенного к разуму всех участников взаимодействия, используются определенные методы и стратегии. Фундаментальным организующим принципом процесса этого конструирования является дифференциация, поскольку наиболее рациональное в построении самости — отделить себя от мира других, предотвратить погружение в трясину общего» (Перинбаньягам, 1990: 77). Иными словами, утверждая свое «Я», человек стремится к обособленности.

Однако, практически трудно утвердить эту обособленность без одновременной идентификации с чем-либо другим. Для отождествления себя с объектом, «Я» должно искать и открывать в нем элементы сходства с собой. А чтобы сделать это успешно, личность должна также обособиться от остальных.

Словом, реализация человека как личности «.../усвояется им чрез взаимодействие со всеми/.../ Общество есть дополненная, или расширенная, личность, а личность — сжатое, или сосредоточенное, общество» (Соловьев, 1989: 285-286).

Упомянутые выше процессы отождествления и обособления осуществляются в течение всей жизни индивида как под влиянием внутренних импульсов формирующейся личности, так и под воздействием окружающих обстоятельств, поскольку, существуя в дискурсивной знаковой среде, в дискурсивной культуре, личность общается с другими личностями, которые продуцируют знаки, причем каждый из этих знаков после интерпретации и сравнения входит в мир данной личности, становится значимым для ее концептуализации и самооценки.

Таким образом, личность — это всегда ансамбль знаков, «согласованный текст» (Перинбаньягам, 1990: 79), который идентифицирует себя в мире других разными способами и в разных формах:

путем визуальной дифференциации (через набор визуальных знаков, обозначающих различие и тождество: одежда, ювелирные украшения, различные телес-

² См.: «Личность — общежитейский и научный термин, обозначающий: 1) человеческого индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности (лицо в широком смысле слова) или 2) устойчивую систему социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности» (ФЭС, 1983: 314).

³ Как отмечал в свое время Вл.С. Соловьев, «человеческая личность и, следовательно, каждый единичный человек есть возможность для осуществления неограниченной действительности, или особая форма бесконечного содержания... Каждый единичный человек, как личность, обладает возможностью совершенства, или положительной бесконечности, именно способностью все понимать своим разумом и все обнимать сердцем, или входить в живое единство со всем» (Соловьев, 1989: 282, 285).

ные приметы и т.п. в то же время выделяется личностью, объединяя с тем через общение.

альные знаки, то о личности. Особую

В связи с этим В.А. Никонов (Ильин) делит личность на три части: мирского имени м монахи»). В Китае тысячи километров имени ребенку обо сы», указывая на то такого трехразового вание также затруднилась допустить контакт вовать определенная оба эти обряда объ западе Африки. В связанными, потому включение в опреде ет в этом процессе р ставителя данной ли самым одним из зн случайно В.Н. Му личностью, равно к исследователю, — в сколько личность — имя реально и объ свою причинность». разом, — это живое ет на особность ин ми социального ко

Показательны ском языке нет ед имя». Ему равнозна name, baptistal п (лексическая кальк щее фамилии».

Сама внутрен социальный код, з данное (given name) зумевает наличие о существует са дивидуализации, в существует имя (процесс интеграции в ряд подобных). Пр в двух плоскостях: новорожденного; с

ные приметы и т.п. Так, одяние монаха отождествляет его с другими монахами и в то же время отличает от не-монахов);

выделением деятельностью. Так, богослужение в церкви или монастыре выделяет личность молящегося и отделяет его от тех, кто молится сам по себе, вместе с тем объединяя с теми, кто молится на публике или напоказ;

через общение. А поскольку именно слово более богато оттенками, чем визуальные знаки, то оно и становится ведущим средством формирования максизнака личности. Особую роль в этом процессе играет личное имя человека.

В связи с этим уместно будет привести пример, на который обращает внимание В.А. Никонов (Никонов, 1982: 43). Исследователь отмечает интересную параллель трех частей света. При вступлении в монашество одновременно с заменой мирского имени монашеским стригли волосы (отсюда выражение «постричься в монахи»). В Китае наименование ребенка сопровождается стрижкой волос. И за тысячи километров у племени моти в Западной Африке церемониал наречения имени ребенку обозначается словом с этимологическим значением «стричь волосы», указывая на то, что когда-то и там оба эти обряда совмещались. Случайность такого трехразового совпадения, по мысли В.А. Никонова, невероятна. Заимствование также затруднено грандиозностью расстояний и всей историей, которая не допускала контактов между этими территориями. Таким образом, должна существовать определенная связь между наречением именем и стрижкой волос, поскольку оба эти обряда объединялись и на далеком востоке Азии, и в Европе, и на крайнем западе Африки. В.А. Никонов высказывает мысль о том, что эти акты оказались связанными, потому что имеют общую причину: оба обозначают одно и то же — включение в определенное общество, посвящение в его члены. И личное имя играет в этом процессе роль социального пароля личности, роль полноправного представителя данной личности в определенном социальном коллективе, становясь тем самым одним из знаков-компонентов, составляющих максизнак «личность». Не случайно В.Н. Муравьев отмечал в свое время, что всякое имя стремится стать личностью, равно как и каждая личность стремится получить имя. В этом, считал исследователь, — внутренний смысл всякого превращения, роста и эволюции, поскольку личность — это «имя, осознавшее себя таковым». Становясь личностью, имя реально и объективно начинает жить собственной жизнью, «создает из себя свою причинность», становится уже не просто «этим», а «Я». Личность, таким образом, — это живое имя, имеющее двойственную природу: оно не только указывает на особность индивида, но вместе с тем связывает последнего с другими членами социального коллектива (Муравьев, 1992: 111).

Показательным в этой связи является, на наш взгляд, тот факт, что в английском языке нет единого термина, соответствующего русскому термину «личное имя». Ему равнозначны английские словосочетания *first name*, *personal name*, *given name*, *baptistal name*, *Christian name*. Два синонима *forename* и *prername* (лексическая калька < лат. *praenomen*) также имеют значение «имя, предшествующее фамилии».

Сама внутренняя форма вышеуказанных терминов несет в себе определенный социальный код, заключенный в имени: личное имя (*personal name*) — это имя, данное (*given name*) индивиду при крещении (*Christian, baptistal name*), что подразумевает наличие определенных коннотаций, а именно:

существует сам референт имени — человек, которому оно дается (процесс индивидуализации, выделения из массы подобных);

существует имядатель — тот, для кого данный человек становится личностью (процесс интеграции, идентификации с другими членами социума — т.е., введение в ряд подобных). При этом образ имядателя следует, на наш взгляд, рассматривать в двух плоскостях: с одной стороны, это конкретный человек (люди) — родители новорожденного; с другой — общество как коллективная личность, диктующая

свои требования к выбору имени, обуславливающая этот выбор системой сложившихся в ней самой морально-этических представлений, духовных ценностей, социально-экономических условий. Пример тому — отсутствие отчества у англичан и наличие второго и среднего имени, которое давалось в честь родственников, крестного отца, крестной матери, какой-либо выдающейся личности, исторического события или по каким-либо религиозным и другим соображениям. Так, например, в метрике английского писателя-реалиста Ч. Диккенса (полное имя Charles John Huffam Dickens) John — личное имя отца писателя Джона Диккенса, а Huffam — фамилия крестного отца Кристофера Хаффамы. Другого английского писателя XIX ст. У. Теккерея называли в честь деда Уильяма Мейкписа Теккерея (1749-1813), традиция именованного которого восходит к предку писателя, погибшему на костре во времена королевы Марии (середина XVI ст.);

существует определенный одобренный и принятый социальным коллективом обряд, обозначающий посвящение именованного конкретным именем индивида в члены этого коллектива, принятие его как индивидуальности во всем многообразии неповторимых во времени и пространстве свойств и качеств.

Русский термин «личное имя» является, как нам кажется, менее информативным и не столь явно окрашенным социально в сравнении с его английскими аналогами, поскольку лишен многих из вышеназванных коннотаций и содержит в своей внутренней форме только значение референции к определенному индивиду. Однако, даже это название — личное имя — включает в себе гиперсеми «личности», «индивидуальности», «уникальности» обозначенного именем человека, которая, однако, эксплицируется только при введении в ряд, т.е. при соотношении носителя данного имени с другими членами социума, в котором существуют имя и индивид, носящий его.⁴

Следовательно, личное имя превращает человека в личность для всех окружающих его участников общения. Поэтому, на наш взгляд, из двух концептов — «человек» и «личность» — денотатом личного имени является все-таки личность: появляясь на свет как человек, индивид в первую очередь получает имя — социальный знак того, что общество принимает его как существо уникальное, неповторимое в разнообразии свойств и качеств, т.е. как личность.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, личное имя — слово, лингвистический знак, и, как все слова, подчиняется законам функционирования языка как семиотической системы. С другой стороны, имя, приобретая онтологический статус в социуме, т.е. становясь как бы полноценным представителем человека-личности в обществе, обладает (помимо чисто языковых характеристик) также огромными социальными и экономическими правами. Поэтому знак этот особый, специфический, поскольку он — социальный знак, в котором действия социальных и внутрилингвистических причин сложно переплетаются. Иными словами, применив к определению функциональной природы личного имени сравнение С.А. Жаботинской⁵, можно сказать, что личное имя, «подобно двуликому Янусу, одной своей ипостасью обращено в мир обыденного языка», а другой — в мир этнографии, в мир правовых, социально-психологических, эстетических и т.п. процессов, происходящих в обществе на определенном этапе его развития. Такое утверждение, в свою очередь, позволяет рас-

⁴ Ведь, по справедливому замечанию В.А. Никонова, «зачем человеку имя на необитаемом острове? Он Робинзон только для других людей» (Никонов, 1982: 29).

⁵ Данная метафора применяется С.А. Жаботинской при определении нею функциональной природы числительного как языковой категории. Рассматривая структуру представления знаний в концепте числового имени, исследователь отмечает, что, «подобно двуликому Янусу, имя числа обращено одной своей ипостасью в мир обыденного языка, а другой — в мир строгой математической терминологии, в мир автономной числовой системы, которая эксплицируется и словом, и цифровым знаком» /Жаботинская 1992а: 125/.

смагивать личное
ного этноса как кол
этих потенциалов, выр
кова — см.: Алексан

- Александренков, 1996
идентичность» // Э
Бланар, 1980: Бланар
славянской ономаст
БСЭ, 1978: Большая со
Дешериев, 1977: Деше
Ин-т языкознания.
Жаботинская, 1992: Ж
имени // Язык и стр
Ин-т научной инфо
Лотман, 1973: Лотман
системам (Уч. записк
Муравьев, 1992: Мура
Вопросы философии
Никонов, 1982: Нико
Наука, 1982. — С. 2
Перинбаньяга, 1990
социальных и когни
Петров, 1988: Петров
— №2. — С. 39-48.
Почепцов, 1989: Поче
... д-ра филол. наук
Розина, 1991: Розина
концепты. — М.: Л
Руденко, 1988: Руден
ВЯ. — 1988. — №3.
Синенко, 1995: Синен
Соловьев, 1989: Солс
богочеловечестве. С
Топорова, 1996: Топо
собственные. — М.
ФЭС, 1983: Философс
Худаш, 1977: Худаш
Allport, 1960: Allport C

сматривать личное имя как точку преломления когнитивных потенций определенного этноса как коллективной личности и языковых форм и средств актуализации этих потенций, выражения «этнической идентичности» (термин Э.Г. Александренкова — см.: Александренков 1996: 14) народа.

ЛИТЕРАТУРА

- Александренков, 1996: Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность»? // Этнографическое обозрение. — 1996. — №3. — С. 13-23.
- Бланар, 1980: Бланар В. Дистрибуция антропонимических моделей // Перспективы развития славянской ономастики. — М.: Наука, 1980. — С. 13-20.
- БСЭ, 1978: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. — Т. 29. — М.: Сов. Энциклопедия, 1978.
- Дешериев, 1977: Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории / АН СССР. Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1977.
- Жаботинская, 1992: Жаботинская С.А. Структура представления знаний в концепте числового имени // Язык и структуры представления знаний. Сб. научно-аналитич. обзоров. — М.: РАН, Ин-т научной информации по обществ. наукам, 1992. — С. 124-149.
- Лотман, 1973: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф — имя — культура // Труды по знаковым системам (Уч. записки, Тартуский гос. ун-т). — Вып. 308. — VI. — Тарту, 1973. — С. 282-306.
- Муравьев, 1992: Муравьев В.Н. Письма. Внутренний путь. Философские заметки, афоризмы // Вопросы философии. — 1992. — №1. — С. 97-114.
- Никонов, 1982: Никонов В.А. Личное имя — социальный знак // Глазами этнографов. — М.: Наука, 1982. — С. 27-50.
- Перинбаньягам, 1990: Перинбаньягам Р.С. Диалогическая личность // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1990. — С. 66-84.
- Петров, 1988: Петров В.В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // ВЯ. — 1988. — №2. — С. 39-48.
- Почепцов, 1989: Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04; 10.02.19/ КГУ им. Т.Г. Шевченко. — К., 1989.
- Розина, 1991: Розина Р.И. Человек и личность в языке // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М.: Л69 Наука, 1991. — С. 52-56.
- Руденко, 1988: Руденко Д.И. Собственные имена в контексте современных теорий референции // ВЯ. — 1988. — №3. — С. 55-67.
- Синенко, 1995: Синенко В.С. Имя и судьба // Филол. науки. — 1995. — №3. — С. 14-22.
- Соловьев, 1989: Соловьев В.С. Сочинения: В 2-х т. — М.: Правда, 1989. — Т.2 Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика.
- Топорова, 1996: Топорова Т.В. Культура в «зеркале языка»: древнегерманские двучленные имена собственные. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- ФЭС, 1983: Философский энциклопедический словарь. — М.: Сов. Энциклопедия, 1983.
- Худаш, 1977: Худаш М.Л. З історії української антропонімії. — К.: Наукова думка, 1977.
- Allport, 1960: Allport G.W. Personality and Social encounter: Sel. essays. — Boston, 1960.